

16+

Лилия Макеева

ПУРГАТОРИО

Чистилище

Лилия Макеева

Пургаторио

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29602902

SelfPub; 2021

Аннотация

В Мадриде особенно красиво весной. На его улицах случайно сталкиваются женщина-пилигрим из России и мужчина, коренной житель. Языком их общения становится взаимный интерес. Вскоре выясняется, что женщина приехала всего на два дня, и мужчина предлагает ей пожить некоторое время в его просторной квартире. Смелая женщина соглашается. Оба не знают, чем закончится это спонтанное приключение.

Лилия Макеева

Пургаторио

Я и слово-то это забыл. Или не знал? Хотя слышал, конечно. Вы не смейтесь. Пурген – это ведь слабительное. А «пургаторио» – чистилище. Но когда я увидел это слово, написанное на огромном бумажном пакете с моим мусором, я будто принял дозу пургена...

Надпись, как на обложке книги: «Пургаторио единственной и уникальной жизни Исидоро». Исидоро – это я. А в пакете – доверху – вчерашний мусор, который я не вынес, опаздывая на работу, и всё, что подлежало выбросу – так или иначе. Увенчана гора мусора была моими домашними тапочками. Их я использовал с успехом, и выкидывать не собирался. А она взяла, да и выбросила.

Я взял двумя пальцами пакетик, чтобы вернуть тапки на привычное место. Но раньше, когда, сняв туфли, я нашаривал тапки ногами, я никакого запаха не чувял. А тут, в руках, даже через дырочку не туго завязанного пакета вырвался настолько неприятный запах заношенной, пропотевшей обуви, что я тут же положил пакетик обратно в «Пургаторио».

Она оказалась права. Но о ней – чуть позже.

Мне, разведенному десять лет назад, жилось одиноко и временами тоскливо, хоть я и не жаловался на недостаток

женщин. В принципе, я и жениться мог. Одна корейка обещала мне ноги мыть и воду эту пить, если я на ней женюсь. Я не стал. Хорошая, покладистая, ласковая, но Мадрид возбуждал её больше, чем я сам. Мне хотелось встретить женщину независимую. А что? Я сильной женщине с удовольствием подчинюсь. Лишь бы она этого захотела и не злая была. Сам-то я очень мягкий. Меня разозлить – надо очень много энергии и времени потратить. Жена у меня довольно резкой оказалась, но двадцать семь лет прожили и троих детей нажили. Значит, я уживчивый. Дети выросли, разъехались, и мы с женой как-то... разошлись по своим территориям. Меня всё устраивало, а она подала на развод. Но речь не об этом. Это уже отболело. Я слышал, что мужчины страдают не сильнее женщин, но дольше. Вот я только три года назад перестал мучиться...

Работа у меня не пыльная, мне повезло: сижу консьержем в приличном мадридском доме. Правда, сидеть приходится долго – с восьми тридцати утра до семи тридцати вечера. Но – улучаю момент, читаю, или разгадываю «судоку». Иногда просто думаю о своём, мечтаю о новой жизни, о любви и о женщине, которую приведу в свой дом. У меня большая квартира и два велосипеда. Мы поедем в горы, и я покажу ей окрестности. Неподалёку, у замка Эскориал, потрясающе красиво.

Это произошло внезапно.

Рабочее время закончилось, и я вышел на улицу. Май –

самый лучший месяц в Мадриде. Еще не печет, но уже лето, и жизнь бурлит, и жить приятнее. Зима в этом году случилась неожиданно суровая, и Мадрид узнал, что такое большой снег. Поэтому весной холода держались долго. Я лишь два дня назад перестал брать с собой на работу куртку, а сегодня просто набросил на плечи рыжий херсей из тонкой шерсти, чтобы после захода солнца не мерзли плечи – мое уязвимое место. Когда небрежно наброшенные на плечи херсеи вошли в моду, я очень обрадовался. Мне кажется, что эта деталь одежды раскрепощает. Во всяком случае, я лично увереннее себя чувствую, зная, что не буду дрожать от холода.

Я прошёлся по парку Королевского дворца и поужинал в своей любимой закусочной «Лос Бокадийос». Кружка холодного пива к свежим кальмарам окончательно умиротворила мои запросы. Меня не разморило, но отчётливо захотелось домой, на диван, к телевизору. Тем более, уже темнело. В свои шестьдесят два года я, как и в детстве, не люблю тёмное время суток.

Подходя к фонтану на площади Испания, я решил спуститься по ступенькам вниз, чтобы присесть на скамейку и положить в сумку сверток с булочками, купленными на завтрак.

Она поднималась по ступенькам и жевала на ходу хлеб, отщипывая его рукой от багета, торчащего из бумажного пакетика. Её живое лицо выражало крайнюю степень любопыт-

ства и веселья одновременно. Словно она не по городу шла, а в театре находилась.

Я остановился и стал её разглядывать. Серая, лихая кепка сидела на голове козырьком вверх, придавая облику студенческую беззаботность. На ней был узкий серый сарафанчик поверх белой майки и светло-серые, укороченные... не знаю, как называются... такие обтягивающие штанишки. Сейчас в Мадриде многие женщины так ходят. На ногах с крепкими, загорелыми икрами – лилового цвета туфли без каблука. На плече – среднего размера чёрная, матерчатая сумка с белой надписью «Долорес Кортес». Но я сразу понял, что к Испании она не имеет отношения. Она – иностранка, и в Мадриде впервые...

Меня остановило не это. И не её стройная фигура и приятное лицо. Мне показалось, что откуда-то я эти черты знаю. Кого-то она мне напомнила – безотчетно и смутно.

Я замедлил шаг, не отрывая от женщины взгляда. Она мельком глянула в мою сторону, тут же отвернулась и, продолжая жевать хлеб, с интересом взирала на окружающий мир.

Мне захотелось сказать ей что-нибудь хорошее, и с моего языка слетело:

– Приятного аппетита!

– Спасибо! – ответила она по-испански, с акцентом, но очень доброжелательно.

Она двинулась было дальше, а потом тоже замедлила дви-

жение, но по своей траектории, похоже. А я встал правой ногой на ступеньку и не могу идти дальше. Улыбаюсь, глядя на неё, и словно чего-то жду.

Женщина посмотрела в мою сторону и кивком головы спросила: «Чего, мол, надо»? Я, продолжая глупо улыбаться, развёл руками – не знаю.

Она опять добродушно усмехнулась и остановилась у края фонтана, поглядывая на меня весёлыми глазами.

– Как дела? – задал я дурацкий вопрос, подходя ближе.

– Хорошо! А у тебя? – поддержала она разговор.

Я воодушевился. И сделал к ней ещё шаг.

– У меня всё отлично! Иду с работы домой. А ты?

– А я приехала в Мадрид и рада, что он прекрасен, – сказала она, смешивая итальянские слова с испанскими.

– Ты итальянка? – спросил я.

– Нет. – Она улыбнулась.

– А кто? Подожди, не говори! Я попробую угадать.

– Давай...

– Польша?

– Нет.

– Шведка?

– Не-ет.

– Немка?

– Ладно, почти угадал. Поволжская немка.

– Это... где такие?

– Это те российские немцы, предки которых подались в

Россию на заработки и поселились потом на реке Волга.

– Вот как? Не слышал. А я испанец.

– Мадридец?

– Да, коренной. Но живу не в самом городе, а в пригороде.

Двадцать пять минут на автобусе.

– Это лучше – жить не в городе. Сплошной стресс и воздух не тот.

– Да, правда. Я очень рад, что живу в Вияльбе. Ты торопишься?

Незнакомка помотала головой, продолжая улыбаться и жевать хлеб.

– Хочешь, я покажу тебе Мадрид?

– Я сегодня уже много видела. Но если ты знаешь, где нулевой километр – покажи!

– Тут недалеко. Пойдем?

Мы пошли в сторону Гран Виа так непринужденно, будто уже ходили вместе не раз.

Женщина была с меня ростом – чуть выше среднего. Походка – из-за плоской подошвы туфель – лёгкая, голова почти всё время запрокинута вверх, к верхушкам зданий, к небу, уже потемневшему в угоду ночи.

– Как тебя зовут? Меня – Исидоро.

– Очень приятно. Марина.

– Тебе, правда, приятно? Или ты только так говоришь?

– Нет, почему? Приятно. Человек милый, имя красивое...

– Хм... Как просто...

– А жизнь проста. Люди сами всё усложняют.

– Да, наверное. А хочешь пива?

– Нет, спасибо.

– А вина?

– Тем более нет. Я на ночь алкоголь не переношу. Давай дойдем до нулевого километра – и ты меня там сфотографируешь?

– С удовольствием.

Мы прошли около ста метров по Гран Виа.

– Смотри! Русский балет! – воскликнула Марина.

Она показывала на противоположную сторону улицы, где в переулке, на фронтоне театра, действительно висела большая афиша гастролей русского балета.

– А вон Театр оперы и балета, да? – спросила Марина. – Где написано «Спектакль «Травиата»?

– Да, наверное...

– Ты не любишь оперу?

– Нет.

– А кто ты по профессии?

– Раньше я работал в фотолаборатории, плёнку проявлял. Потом появились цифровые камеры, да и возраст сыграл свою роль... И меня уволили. Теперь я работаю консьержем.

– Понятно...

– Плохо?

– В условиях кризиса и это прекрасно!

– Да-да, я доволен.

Мы подошли к центральной площади «Пуэрта дель соль».

– Какая красота! Я видела эту площадь днем. Сейчас она ещё красивее, – сказала Марина восторженно.

– Видишь эту доску? Это мемориальная доска в память о жертвах теракта 2004 года... – обратил я её внимание.

Она мгновенно опечалилась. Её лицо стало серьезным. Наверное, ей все-таки больше лет, чем кажется на первый взгляд. Я не дал бы ей больше сорока. Но сейчас увидел в углах глаз морщинки. Они, впрочем, её не портили, а делали взгляд лукавым. Наверное, я зря показал ей мемориальную доску.

А женщина, увидев нулевой километр, едва различимый в темноте, опять воодушевилась:

– Это же центр Испании! Отсюда все дороги ведут отчет!

– Да. Сделать фото?

– Да, пожалуйста, но только одни ноги на нулевом километре!

Она изящно поставила ножку на отполированную цифру, и я сделал снимок. Сразу показал свою работу и добавил: «Красивые ноги».

Она улыбнулась, пропустив комплимент мимо ушей. Её устраивал чёткий металлический «ноль» по центру кадра.

Мне понравилось её фотографировать. Она быстро, легко меняла позы и постоянно меня хвалила. А я раньше только плёнку проявлял. И вообще плохо снимаю.

– Как здорово ты фотографируешь, Исидоро! Спасибо!
И мне не хотелось выпускать камеру из рук.

Возле статуи медведя с земляничным деревом – символом города – я решил снять её крупно, чтобы потом внимательно разглядеть лицо. Она смеялась в объектив. Увеличив готовый снимок на дисплее, я воскликнул:

– У тебя зелёные глаза! И у меня зелёные. Вот, смотри!

Я показал ей снимок, сделанный недавно, и укрупнил свои глаза.

– Нет, у тебя глаза не зелёные, у тебя – бирюзовые, – сказала она. – Это ещё интереснее. Цвет редкий.

Мне было с ней очень легко. Хотелось почему-то подпрыгивать. Но она посмотрела на часы и засобиралась к себе в хостел, где остановилась.

– Можно, я тебя провожу? – предложил я осторожно, чтобы не спугнуть её добродушия.

– Проводи. Там улица такая... странная, неудобная.

Эта улица была мне хорошо знакома – улица «мариконе», то есть гомосексуалистов. Она, видимо, не знала. Когда я ей об этом сказал, она удивилась, но совсем немного. Она всё воспринимала спокойно.

– Да? А персонал в хостеле нормальный, приятный. Только шумно, спать не очень... Но у меня всего на два дня забронировано место.

– Два дня для Мадрида мало...

– Да. Но мне нужно двигаться дальше. Я книгу пишу.

– Ты писатель? – удивился теперь я.

– Наверное. Пока не знаю.

– А о чём ты пишешь?

– О жизни. Ты любишь жизнь?

– Люблю!

Мы дошли до закуской, в которой все стены до потолка заполняли стеллажи с вином.

– Смотри, сколько вина! Давай зайдем? Ты хамон в Мадриде пробовала?

– Хамон? Ветчину вяленую? Нет ещё.

– Давай зайдём, попробуешь.

– Поздно уже, – заколебалась Марина. Но потом всё-таки согласилась.

В переполненном зале нашёлся один свободный низкий столик со скамейкой у стены. Марина села туда, а я – на табурет напротив. Она оглядывала полки с бутылками и опасно отстранилась, когда бармен подошёл и занес над её головой специальную длинную рогатку для изъятия бутылки с верхней полки. Она подыгрывала бармену, словно он не бутылку доставал, а исполнял цирковой трюк. Бармену было приятно.

Марина почти из каждого мгновения делала событие. И радовалась ему вместе со всеми его участниками. Как самый непосредственный участник, я получал от этого громадное удовольствие. Она вся светила жизнью.

Нам принесли заказанные «тапас»: горячий «камамбер»

и кусочки лосося с заплесневелым сыром, и я предложил поделиться вкусовыми ощущениями: обоим по половинке того и другого. Женщина без проблем согласилась.

Сложив всё в одну тарелку, я разрезал каждый «тапас» на две части. Поджаристый хлеб с расплавленным сыром аппетитно хрустел.

Мы жевали и улыбались друг другу. С Мариной казалась вкуснее даже хорошо знакомая пища.

Пиво она заказала безалкогольное:

– А то буду плохо спать ночью. А завтра предстоит проделывать уйму туристической работы, – поделилась она.

– Куда ты завтра пойдёшь?

– Во-первых, к музею Прадо. Хотя бы расписание узнать. Потом надо на вокзал, за билетом. После этого, наверное, в Королевский дворец...

– Я работаю целый день, но в половине восьмого могу тебе составить компанию. На правах коренного жителя.

– А что? Хорошая мысль. Я подойду завтра к восьми, на то место у фонтана, где мы познакомились. Идет?

– Ещё как идет!

Меня поразило, что Марина не жеманничала и не нуждалась в уговорах.

Мы допили пиво, и я проводил новую знакомую до дверей хостела. Она помахала мне рукой за стеклом подъезда. Улыбка не переставала озарять её лицо.

Весь следующий день я только и делал, что подгонял вре-

мя.

И, едва работа закончилась, набрал номер телефона Марины, который она мне продиктовала накануне. Созваниваться мы не договаривались, но мной руководил страх, что она не придет. А я так ждал встречи с ней... Ну, может, не с ней самой, а с её лёгкой, непринуждённой манерой общения, не знаю...

– Да-да, я иду, я уже почти у площади Испании! – ответила Марина. – До скорого!

Вчера, когда ей стало зябко, я набросил на её плечи свой херсей, и она два-три раза меня за это поблагодарила, повторив новое для себя слово «херсей», чтобы запомнить. Сегодня я прихватил херсей снова.

Стоя у фонтана, я издалека увидел поднятую над толпой руку спешащей Марины. Она будто успокаивала меня, потому что часы показывали пять минут девятого.

– Привет! Знаешь, что я подумал? Ты не уезжай, а то не увидишь в субботу важный матч футбольной лиги. Он будет здесь, в Мадриде!

– Да что ты! – обрадовалась Марина, будто была фанаткой футбола. Она просто всему радовалась, как ребёнок.

– А кто с кем играет?

– Итальянцы с немцами.

– Это о-очень интересно! Но – не знаю. Подумаю. Мне нужно книгу заканчивать, где-то уединиться в спокойном месте, понимаешь? Мадрид для этого не подходит...

Мы шли по оживлённой улице Алкала. Интенсивная вечерняя жизнь Мадрида говорила сама за себя: разноязыкой толпой, движением транспорта, шумом улицы. И я предложил:

– Если тебе нужен покой, то ты найдёшь его в моем доме. Всего двадцать пять минут от площади Испания – и ты в тишине и уединении. Пиши целый день, я ведь на работе...

– Спасибо, Исидоро, но... мы друг друга второй раз видим...

– Да. Однако... мне кажется, что я знаю тебя с детства.

– Твоя манера общения мне тоже очень близка, но скорее всего я не приму твоего предложения. Спасибо. – Отказалась Марина твердо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.